

Захарова Александра
Марковна (апрель, 2004)

12.01.05!

6

КУЛИСЫ | КУЛУАРЫ

Вечерняя Москва - 2005 - 12 ЯНВАРЯ - С. 6

Александра ЗАХАРОВА:

Вхождение в роль я начинаю с нытья

Зачем было Александре Марковне, имеющей приглашения в пять театров, в том числе в «Маяковку» от Гончарова, соваться в «Ленком»? Она прекрасно знала, что ей придется стоять, как всем, в километровой очереди на получение роли. Это характер! Кажется, не менее сильный, чем у отца.

Как говорит Захарова, она с самого начала была отравлена «Ленкомом». Просидев десять лет в массовке, стала ведущей актрисой театра. Первый раз повезло, когда Глеб Панфилов начал ставить в «Ленкоме» «Гамлет». Не было Офелии — и Панфилов, стоя на служебном входе, мало кого зная в театре, тем более артистов массовки, увидел, как по лестнице медленно спускалась молодая светленькая девушка. Даже не спросив, как ее зовут, предложил ей прийти на репетицию. Так случилась Офелия. А потом Елена Шанина решила родить ребенка, хотя уже было распределение на «Женитьбу Фигаро». Репетировать Графиню начала Саша Захарова. На тринадцатом году своего «театрального романа» она прослушалась знаменитой.

Недавно «Ленком» показал премьеру спектакля «Ва-банк» по пьесе Островского «Последняя жертва», где Александра Марковна сыграл Юлию Павловну Тугину.

— Я думаю, что артист может состояться только при режиссере. Конечно, можно выйти на другой личностный уровень. Но это уже не за счет актерских шуточек, а своей жизненной позицией, своими убеждениями, своим мировоззрением, отношением к людям, к жизни, к животным, людям, к солнцу, к Красной площади. Тогда ты можешь стать, наверное, Андровской, Раневской, Орловой. Ну, претендовать на уровень крупного актера. Хотя такие люди, как эти женщины, рождаются даже не раз в сто лет, а реже.

— И что, тогда режиссер не столь важен?

— Наверное, да. Потому что сам актер настолько самодостаточен, что вокруг него может вертеться мир. Но, точнее, я не знаю, я не принадлежу к такому списку. Вообще театр для меня — это режиссер. И кино — тоже режиссер. Мне повезло изначально. У меня удивительные родители, у меня театр, как дом. И у меня прошедший год очень счастливый — он мне подарил удивительную роль. Я выхожу на сцену с Александром Викторовичем Збруевым, Димой Певцовым, а иногда с Виктором Раковым, Маргаритой Ивановной Струновой, с Аней Якуниной. Это ли не счастье! Роль удивительная, удивительный русский язык. Очень современный и, к сожалению, тот язык, на котором сейчас не пишут. Марк Анатольевич сказал про Островского, что это русский Шекспир. Эти страсти, эти терзания, эти внутренние духовные столкновения... Может быть, я не права, но драматург, который может написать слова «пренеб-

речь» или «совсем обиженная», — это великий драматург. В одном слове — целых полжизни. Я рискну сказать, что весь американский кинематограф вышел из нашего Александра Николаевича Островского...

— Смелое утверждение. А доказательств?

— Это надо защищать диссертацию!.. Доказательства есть. Вот, лежит на поверхности: модель треугольника «Фрол Федулыч — Юлия Павловна — Дульчин» они взяли у Островского. Именно с нюансами, с деталями.

— Как вы попали на эту роль?

— Я не должна была ее играть. Было распределение Маши Мироновой, а я должна была играть «Плач палача». Но по каким-то своим измышлениям Марк Анатольевич нас поменял. Мария Андреевна ушла в «Плач палача» играть юную Эвридику, а я вот сыграла вдову Юлию Павловну. Марк Анатольевич ничего не мотивировал и никому ничего не объяснил.

— Это когда же такое случилось?

— Даже не помню. У нас спектакли долго раскачиваются. Год-полтора висит распределение, даже уже успеваешь о нем подзабыть. А сама работа с Захаровым занимает месяц, полтора. Он очень быстро делает спектакли.

— С какого же боку вы подступались к Тугину? Это одна из тяжелейших ролей русского репертуара.

— Ну, во-первых, это подступился Марк Анатольевич. Он ее придумал, выстроил... Вот я сейчас ехала к вам на интервью, и грешна очень, опоздала, потому что ехала полтора часа по Тверской. Пробка. Вроде бы ты едешь, но больше стоишь, начинаешь нервничать, звонить по мобильнику. И все куда-то спешат. Стоят, но торопятся. А где-то в это время люди гибнут, рождаются, болеют, женятся, умирают. А ты все стоишь в пробке. И тебе все время куда-то надо... Ты получил инфаркт, а тебе куда-то надо бежать, а потом у тебя что-то внутри порвалось, а может быть, наоборот, что-то соединилось, а все время куда-то надо: туда, туда, а потом еще туда, там отметить, туда сбежать, туда сходить... Нет бы остановиться! Вот так мы и бегаем, а жизнь, оказывается, проходит очень быстро. Я поняла. Раньше меня спрашивали: а какое время года вам нравится? Да любое время года мне сейчас нравится, любая погода, хоть дождь, хоть сыкость... Наверное, это возраст?

— Сплоньте, какой возраст. У вас ни одной морщины нет.

— Возраст — это состояние души. Все зависит от того, как жить. У одного могут быть морщины, а у другого — складки, и не обязательно на лице.

— Это вы про Юлию Павловну Тугину?

— Это вполне может быть часть ее размышлений. Понимание жизни не меняется, это не зависит от формы платья, прически, цвета глаз; девятнадцатый ли это век, двадцать первый. В жизни видюживает интеллект. Господь захочет обидеть — разум отнимет.

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Когда Марка Захарова в начале 70-х назначили в «Ленком», репутация у режиссера была, прямо скажем, фрондерская.

На первый спектакль нового главрежа пришла «вся сознательная Москва»...

Через десять лет худсовет смотрел фрагменты из «Матушки Кураж»

Брехта и пригласил одну выпускницу, хотя главреж ворчал, был недоволен.

Девушку, однако, в труппу приняли и предложили поучаствовать в массовке «Тили».

А звали ее Александра Захарова.

— С чего вы начинаете свое вхождение в роль?

— С нытья! «Дайте роль, дайте мне роль, пожалуйста!» Потому что каждый актер хочет выходить на сцену каждый день, он хочет играть, играть много. А если этого нет — все теряет смысл. Жизнь теряет смысл. А мне еще хочется играть у Марка Захарова. Он хороший режиссер.

— Тут не поспоришь. Но вы же не обижены?

— Не обижена. Не перестаю за то Господа благодарить. У меня сейчас пять больших ролей.

— Саша, а вы любите своих героинь? Начинаете с любви или с отторжения? Как вы их с собой примиряете? Они же все живые «тетки», каждая с такой биографией, что зашатаешься!

— Знаете, я очень долго не давала интервью, больше двух лет. В какой-то период я все что-то говорила, говорила... А потом не захотелось говорить. Я поймала се-

бя на мысли, что все говорят, все рассказывают и про героинь, и про роль, но не интересно это читателям, поймите, и мне это не интересно. Эти слова имеют смысл, если их произносит, например, Фаина Георгиевна Раневская. Я сейчас стала вначале смотреть «кто», а потом уже «что» сказали. Мне кажется, я не интересна как руло. Надеюсь, я кому-то интересна как актриса на сцене.

— Это очередное этапное осознание жизни?

— Наверное. Я в свое время все приставала к Глебу Анатольевичу Панфилову, чтобы он мне рассказал: какая она, Офелия?.. Видимо, очень ему поднадоела! Он подвел меня к зеркалу: «Какая ты, такая и Офелия! Кто ее видел? Вот и выясняй, какая она».

— То есть, вы хотите сказать, что процесс общения очень интимный, скрытый, трудный.

— Плюс еще что-то, плохо передаваемое словами. Нет, читать

об этом зрителям точно неинтересно.

— Может, у вас какая-то заниженная самооценка?

— Вы думаете?

— Извините, но что бы там ни «навертел» гениальный режиссер Марк Захаров, зрители в театр приходят смотреть Александру Захарову, Дмитрия Певцова, Александра Збруева. Банальная истина, но хороший режиссер умирает в своих актерах.

— Все равно у меня не поворачивается язык говорить «моя героиня».

— Но вы же ее играете, это же ваша плоть.

— С Тугиной сложно, потому что ее играло много выдающихся актрис, перед которыми я преклоняюсь. Это роль-легенда русского театра, и я... Нет, давайте я промолчу.

— А почему вы полспектакля плачете?

— Это плохо. Я плохая актриса... Наверное, захлестывают эмоции. Понимаете, деньги-то она не выплакала, и когда пишут в рецензиях: «Ах, какая она расчелливая», — я спокойно к этому отношусь. Да, она расчелливая, но как же жить иначе! Она же купчиха, а не кисейная барышня. Это совсем не плохая черта характера. Я вот с ужасом смотрела сюжет по телевизору о том, как затопило людей в Ингушетии. Стоят чиновники, здоровые дядьки и говорят: будем подплывать к каждому дому и давать по булке, а если надо, то по две. И люди смиренно, покорно прислонившись к воротам, стоят. Как можно так жить?! Нельзя ни при каких обстоятельствах опускать себя до такой низкой планки.

— У меня ощущение, что Марк Анатольевич уже давно выстроил на сцене «Ленкома» другое измерение, там время и пространство соединены совсем иначе, чем за пределами здания. Там действуют другие законы физики, другие формулы притяжения и скорости звука. У него другие «зацепки» между людьми, другая «формула любви». И в этой захаровской формуле очень трудно выжить и персонажам, и актерам. Тугина плачет все время, потому что ее ввинтили в череду ситуаций, она не может вздохнуть, ей не дают возможности перейти из одного состояния в другое.

— А эмоции требуют выхода. Когда Марк Анатольевич выстраивал эту сцену с письмом, он мне говорил: «Только не плачь, держись до последнего». Но я иногда не выдерживаю. Интересно наблюдать, когда человек сдерживается, а не когда он что-то выдавливает из себя. Хотя у меня ощущение, что мы сейчас перенасыщены слезами. Во всех телесериалах плачут, плачут, страдают, снова плачут... И все актеры замечательные, и хорошо играют. Сериалы должны быть, у каждого своя жизнь, кому-то нужны сериалы, а кому-то канал «Культура». Но потом, когда попадаешь на «Новости» на любом канале, и там жизнь, и ты видишь, как мать говорит о своих детях и не плачет... После этого плакать стыдно. Правда, правда. У нас есть сцена, когда Тугина говорит, что уже заказано платье подвенечное, но не помнит какого цвета. Она уже знает, что ее обманули. Режиссер выстраивает сцену так, что Юлия Павловна стоит спиной к зрителям. Какие у нее эмоции? Инсульт? Инфаркт? Пусть каждый себе дофантазирует. Деликатность должна быть на сцене.

— Захаров дает такой сгусток эмоций, что не знаю, какой приспособляемостью должен обладать актер, чтобы их выдерживать.

— Захаров воспитал своих актеров. Удивительных, гениальных. Я с ходу две страницы имен наговорю. Они могут играть все. Они выдержат любые состояния. Это люди, стукнутые театром. В них театральная баццлла сидит прочно, как жизнь.

Беседовала
Галина СКОРОБОГАТОВА